

Э. В. Ильиченко

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII ВЕКА

Тема восприятия иностранцами Великого Новгорода привлекла внимание исследователей относительно недавно. В конце 1980-х гг. была опубликована статья Ю. Н. Беспятых, знакомившая с наиболее содержательными описаниями Новгорода европейскими авторами-очевидцами XVIII в.¹ Свод иностранных описаний Великого Новгорода был представлен Г. М. Коваленко в сборнике «Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – начала XX века» (М., 2005). В ряде своих работ Г. М. Коваленко не только систематизировал наблюдения и заметки путешественников, дипломатов, литераторов, посетивших Великий Новгород в XV–XX вв., но и проанализировал меняющийся во времени образ древнего города в представлении зарубежных авторов². Заметим, что во всех работах речь шла об описаниях очевидцев. Между тем немалый интерес представляют и сочинения французских историков века Просвещения, в которых затрагивались дискуссионные вопросы новгородской старины. Данная статья имеет целью представить наиболее примечательные сюжеты новгородской истории, нашедшие отражение на страницах популярных сочинений французских историков XVIII в.: Ж. Руссе де Мисси, Вольтера, П.-Ш. Левека, Н.-Г. Леклерка, А. Блен де Сенмора, П.-С. Марешаля. Не все они побывали в России, но знакомство с историческим прошлым нашей страны че-

¹ Беспятых Ю. Н. Новгород в «Россике» XVIII века // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 137–148.

² Коваленко Г. М. Знаменит своей историей. Великий Новгород: взгляд из Европы // Родина. 2009. № 9. С. 28–31; *Он же*. Великий Новгород в европейской письменности XV – начала XX в. // Вестн. Новг. гос. ун-та. 2006. № 38. С. 36–40.

рез первоисточники и большое число разнообразных иностранных описаний³ помогло им понять и оценить особую роль Великого Новгорода в истории России.

Французская историография данного вопроса берет начало в XVIII в. Хронологически первым французским историком XVIII в., включившим в свой труд о России фрагменты описания Великого Новгорода, был журналист, историк и книгоиздатель Руссе де Мисси, выступавший под псевдонимом Иван Нестесураной. Де Мисси стал автором «Записок о царствовании Петра Великого», впервые увидевших свет в Гааге в 1725 г.⁴ Небезосновательные предположения Вольтера о том, что это сочинение носит компилятивный характер, все же не могли умалить значения многих использованных в нем материалов, восходящих к оригинальным русским источникам⁵. Первый том труда де Мисси, содержащий основные материалы по русской средневековой истории, включал и важные сведения о прошлом Великого Новгорода. Впоследствии лишь П.-Ш. Левек в своей «Российской истории» благодаря серьезному и основательному подходу в деле привлечения оригинальных русских первоисточников смог дать более стройную картину русского Средневековья.

Помимо «хрестоматийных» сведений из древнерусской истории (о призвании варягов и деяниях первых русских князей) де Мисси заинтересовался этимологией слова «варяги», обозначающего тех, кого французы называли «инграми», а сами русские «*Wotschoi*». Автор провел аналогию между словами «*Waretzkoie*» и «*Wagérie*», и это дало ему возможность утверждать о «едином прозвании пяти народностей, населявших междуречье Онеги, Ладоги, Белоозера и истоков Волги и Двины, образовавших впоследствии

³ Сведения западноевропейских дипломатов, ученых, путешественников (французов Орби де ла Мотре и Фортиа де Пиля, англичанина У. Кокса и многих других), побывавших в Великом Новгороде в XVIII в., безусловно оживляют картину этого города. Особую популярность приобрели сочинения Кокса, которые были переведены на французский и русский языки. Сочинения Кокса «Путешествие на Север Европы» и «Новые открытия русских между Азией и Америкой» завоевали популярность в Европе и нашей стране. «Путешествие» активно использовалось в дальнейшем французскими авторами при описании русской истории правлений Петра I и Екатерины II.

⁴ *Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand. Empereur de Russie, père de la patrie etc. La Haye, 1725–1726. Т. 1–4.*

⁵ Аргументированные оценки и характеристики сочинения Руссе де Мисси можно найти в монографии С. А. Мезина «Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I». Саратов, 2003. С. 187–199.

первое государство, во главе которого встал управитель Новгорода Рюрик»⁶.

Великий Новгород показан Руссе де Мисси могущественным, свободолюбивым, занимающим особое место в политической структуре древнерусского государства, одним из сильнейших форпостов противостояния единоличной княжеской власти. Отсюда и *аргументированный* комментарий автора к известной пословице, введенной в обиход в XVI в. и широко известной в XVIII в.: «...кто против Бога и Великого Новгорода ... который был действительно столь влиятелен, что мог с легкостью выставить более 200 тысяч воинов»⁷. Де Мисси, таким образом, был первым из французских историков XVIII в., кто обратился к этой поговорке и по-своему ее объяснил.

Де Мисси остановил свое внимание на кровопролитных событиях междоусобных войн периода раздробленности и сюжетах, связанных с историей Великого Новгорода. Детально автором показан эпизод открытого противостояния поддерживаемых новгородцами Василия Косого и Дмитрия Шемяки в борьбе против Василия II. Автора поразила картина жестокости, творимой «Юрьевичами» по отношению к своему политическому противнику и его ослепление: «Знать, изначально поддерживающая сыновей Юрия, ужаснулась этой безжалостности и встала на сторону несчастного Василия II, который по возвращении в Москву правил вплоть до своей смерти, с прозвищем Темный...»⁸.

Через этот эпизод противостояния процессу объединения автор показывает, как воинственность и стремление к независимости новгородских жителей со временем приводят их к фактическому подчинению единоличному правителю. Де Мисси подчеркивает значение фигуры собирателя русских земель – Ивана III. Достойный продолжатель дел своего отца, «доброе князя» Василия II, «Иван Васильевич (Иван III. – Э. И.) был наречен Победоносным за великие деяния и завоевания, которые он свершил. Автор настаивает на том, что присоединение трех областей: Твери (владение Бориса Александровича), Великого Новгорода (Дмитрия Шемяки) и Новгорода Северского (Андрея Шемяки) было произведено под предлогом отмщения за нанесенное унижение его отцу»⁹.

При «полном низвержении татарского ига... положение великого князя, по мнению автора, укрепилось, и, не опасаясь более возвращения монголов в свое государство, он принял титул *велико-*

⁶ *Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand... 1725. T. 1. P. 7–8.*

⁷ *Ibid.* P. 28.

⁸ *Ibid.* P. 27.

⁹ *Ibid.*

го князя Владимирского, Московского, Новгородского и Правителя всей России»¹⁰.

В конечном итоге процесс собирания русских земель показан как логическое завершение длительного и сложного процесса образования русского централизованного государства.

Де Мисси, подобно авторам последующего времени, не мог обойти своим вниманием начало опричнины и эпизод устрашающего «похода» Ивана Грозного на Новгород, Тверь, Плесков и расправы над их жителями. Предшествующие этому событию автор связал с крупным заговором, организованным «лучшими представителями русских вельмож» (к ним Руссе де Мисси относил и новгородцев) в пользу короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа. Большую часть ответственности де Мисси возложил на польского короля и тех, кто, поддерживая его, посмел покуситься на права «законного князя»¹¹. Автор подчеркивал приверженность новгородцев к независимым порядкам и их постоянную склонность к «смуте», давшей повод государю обвинить город в заговоре.

Поступки Ивана IV, чье величие для Мисси кажется несомненным, все же рассматриваются автором как «деяния исключительной жестокости, очернившие всяческую славу его правления»¹². В то же время если в издании «Записок» де Мисси 1725 г. он предпочел ограничиться лишь констатацией факта похода на непокорный город, то уже в следующем издании, 1740 г., страницы пестрели ужасающими примерами расправ над жителями Новгорода¹³. В первом издании автор еще пытается «укрыть завесой столь безобразные сцены насилий» и оправдать действия монарха, справедливо карающего своих подданных. Французский историк даже позволил себе ряд нравоучительных просвещенческих выводов о соотношении ролей государя и народа той эпохи: «...ибо что касается царя, какого бы порицания он ни заслуживал, он понес наказание за это бесчинство. Частичным его оправданием могут служить те условия, в которых существовал русский народ и которые не позволяли правителю быть мягким»¹⁴.

Включение в более позднее издание «Записок» 1740 г. картин страшных наказаний непокорных новгородцев в какой-то степени было обусловлено привлечением в качестве источника «Истории

¹⁰ *Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand. 1725. T. 1. P. 28.*

¹¹ *Ibid. P. 105.*

¹² *Ibid. P. 106.*

¹³ *Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand... 1725. T. 1. P. 105–107; Idem. Mémoires du règne de Pierre le Grand... Nouvelle édition augmentée. Amsterdam, 1740. T. 1. P. 75–77.*

¹⁴ *Idem. Mémoires du règne de Pierre le Grand... 1725. T. 1. P. 107.*

жизни Ивана Васильевича» П. Одерборна (1585)¹⁵. Руссе де Мисси изначально относился к этому сочинению критически, говоря: «Я не могу верить всему, о чем сообщает ... историк Ивана Васильевича»¹⁶. Тем не менее явственно видна эволюция взглядов автора: в последующих изданиях «Записок» можно видеть усиление критики деяний Ивана IV.

Последний раз Руссе де Мисси вспомнил о Новгороде в связи с событиями Смутного времени, когда город выступил как самостоятельная сила в сложной политической игре между Россией и Швецией¹⁷.

В своем сочинении о России тему истории Великого Новгорода затронул и Вольтер¹⁸. Круг источников его «Истории Российской империи при Петре Великом» был ограничен, но при этом философ стал первым французским историком, который активно использовал русские источники в переводе. В сочинениях Вольтера можно найти лишь отрывочные сведения об истории Новгорода, но и они дают некоторое представление о новгородской истории глазами «фернейского старца».

Новгороду Вольтер изначально отводил особую роль: «...местность, где древние Славяне или Славоны организовали свое первое поселение... известно лишь о древних Славянах, что они были завоевателями. Они построили город Великий Новгород, расположенный на судоходной реке у его истока, который долгое время процветал в торговле и был могущественным союзником ганзейских городов»¹⁹.

У Вольтера, в отличие от других французских авторов того времени, отсутствовало представление о Новгороде как об оплоте сопротивления единоличной власти или символу уходящей эпохи удельной Руси. Новгород для него прежде всего крупный торговый центр Северной Руси, сохранивший свое значение вплоть до середины 80-х гг. XVI в. По словам историка, «...только в середине шестнадцатого века Россия стала известна другим народам. Англичане

¹⁵ Ссылка на труд П. Одерборна отсутствует в «Записках о царствовании Петра Великого» издания 1725 г.

¹⁶ *Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand...* 1740. Т. 1. P. 76.

¹⁷ *Ibid.* 1725. Т. 1. P. 302–303.

¹⁸ Первое критическое, комментированное издание «Истории Российской империи при Петре Великом» осуществлено коллективом авторов под руководством М. Мерво. См.: *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Edition critique par Michel Mervaud avec la collaboration d'Andrew Brown, Ulla Koeling et Christiane Mervaud // Oeuvres complètes de Voltaire.* Oxford, 1999. Vol. 46–47.

¹⁹ *Ibid.* P. 447–448.

в 1533 г.²⁰ искали выход через северные моря на восток, чтобы идти в Ост-Индию... Они с легкостью стали учителями русских в торговле посредством транспортировки через Новгород²¹ ...на самом деле неприступный семь месяцев в году²². Тем временем ярмарки гораздо больше способствовали значимости Новгорода, в дальнейшем пострадавшего от войн со Швецией»²³. Таким образом, Вольтер связывал упадок города-государства не с присоединением к Москве в 1478 г., а с более поздним временем неудачных длительных войн против Польши и Швеции, когда Иван IV потерпел неудачу в своих усилиях установить взаимоотношения с Западом через Балтийское море.

Вольтер не вдавался в подробности истории Великого Новгорода периода удельной Руси, отмечая лишь факт присоединения города Иваном III. «Царь Иван Васильевич завоевал Новгород в 1467 г. и унес все богатства, которые преумножили великолепие двора Москвы»²⁴. Замечание Ломоносова и Миллера о возникшей путанице двух монархов – Ивана III и Ивана IV в «Истории» Вольтера несостоятельны²⁵. Вольтер прекрасно различал двух государей²⁶. Ошибся он только с датой присоединения Новгорода, подчиненного Иваном III не в 1467, а в 1478 г.

²⁰ На самом деле в 1533 г. Вольтер дал ошибочную дату. См.: *Voltaire*. Op. cit. P. 433.

²¹ Позже Вольтер отметил, что «англичане получили привилегию торговать в Новгороде, не платя никакой пошлины».

²² Как следует из комментированного оксфордского издания сочинения Вольтера, «это была новая область торговли, установленная с Архангельском», исправляет Миллер: Новгород сохранял за собой Нарву и Ревель. Вольтер последовал за Олеарием... написав вначале, что порт был неприступен девять месяцев в году. Вследствие замечания Ломоносова временной отрезок, когда Новгород был окружен льдами, уменьшился до семи месяцев». См.: *Voltaire*. Op. cit. P. 433.

²³ *Ibid.* P. 433–434.

²⁴ *Ibid.* P. 448.

²⁵ Существовавшая путаница, которая отмечалась историками, имела место в другом труде Вольтера – «Опыте о нравах и духе народов»: «...Наконец нашелся лидер, именованный Иваном Васильевичем или сыном Василия, мужественным человеком, который воодушевил русских освободиться от порабощения и присоединил к своим землям Новгород и Москву, которую он отвоевал у литовцев в конце XIV века. Он распространил свои завоевания в Финляндии, которая зачастую вносила разногласия в отношения России и Швеции». См.: *Etat de l'Europe du temps de Charles-Quint. De la Moscovie ou Russie. Digression sur la Laponie. Chapitre CXIX. «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire, depuis Charlemagne jusqu'a Louis XIII. T. 3 // Oeuvres completes de Voltaire. T. 18. 1785. P. 59.*

²⁶ *Voltaire*. Op. cit. P. 454.

О неполноценности материалов, присылаемых Вольтеру из России, говорилось не раз. В отличие от Вольтера последующие авторы, за крайним исключением, не допускали таких обидных ошибок. После выхода «Истории» Вольтера стали очевидны недостатки компилятивных трудов французских авторов, и во второй половине XVIII в. требования к подобным сочинениям повысились. Позднее, повествуя о России, французский историк, рассчитывавший на признание своей работы, уже не мог обойтись без оригинальных русских источников и без попыток философского осмысления исторического материала.

Именно такими увидели читатели сочинения по российской истории, вышедшие из-под пера французских историков П.-Ш. Левека и Н.-Г. Леклерка в 80-х гг. XVIII в.²⁷ Прибыв одновременно в Россию (по рекомендации Д. Дидро), оба историка получили одинаково благоприятные условия для работы и доступ к оригинальным русским источникам. П.-Ш. Левек, выучив русский язык, углубленно и всесторонне разбирал сюжеты российской истории, опираясь на первоисточники (опубликованные летописи и документальные акты, византийские и арабские источники), а также на сочинения русских историографов, критически подходя к сообщаемым ими фактам. Поэтому Левеку не было смысла использовать предшествующие ему компилятивные сочинения, к примеру, «Записки» Руссе де Мисси или поверхностные описания Ж. Лакомба. В этой же связи очень сложно сравнивать главы истории древней и средневековой Руси в изложении Левека с соответствующим текстом Вольтера.

Н.-Г. Леклерк не знал русского языка, что препятствовало его знакомству с оригинальными древнерусскими текстами. Его многотомное компилятивное сочинение изначально характеризовалось современниками «калькой» с труда Левека²⁸.

Несмотря на то, что авторы были конкурентами и научный уровень их трудов различался, оба французских историка демонстрировали сходные взгляды на историю вольнолюбивого Новгорода. Оба автора отмечали уникальность его политического устройства.

²⁷ Оба труда французских историков вышли почти одновременно в 1783 г.: *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie*. Yverdon, chez Debure - l'ainé. 1783. Т. 1–5; *Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*. Paris, 1783. Т. 1–3; *Idem. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne*. Paris, 1783–1790. Т. 1–3.

²⁸ Об этом напрямую и с привлечением многочисленных примеров писал современник и основной критик Леклерка в России И. Н. Болтин. См.: *Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка*. СПб., 1788. Т. 1. С. XXVI, 259, 267, 279–281.

По словам Н.-Г. Леклерка, рассматривая подобную форму правления «смешанного типа, объединившую в себе одновременно республиканские, аристократические и демократические черты... в IX в., город представлял собой «политическое чудо, не знающее ничего подобного в истории»²⁹. У П.-Ш. Левека подобное восприятие новгородской республики зачастую сводилось к откровенной идеализации существовавших в ней порядков и поиску оправдания поступкам её жителей. Это можно увидеть в описании как начальной истории Новгорода, так и более поздних событий царствования Ивана III³⁰.

Из самого устройства правления Новгорода, которое было народным, Левек выводил причины попадания Новгорода под власть варягов: «...коварство, вражда, насилия и убийства были следствия безначалия. Сии республиканцы не могли быть вольными, обратились к Варягам – Россам и просили у них обладателя. По крайней мере так повествуют писатели»³¹.

Если кратко излагать витиеватые философские построения Леклерка по тому же вопросу, то «произошел кризис, повлекший за собой беспорядки и безначалие (подробности Леклерк опустил) ... достаточно серьезный... чтобы убедить свободных людей обратиться к Варягам... успокоить волнения в республике и внушить почтение соседям-недругам»³². В то же время оба французских историка подчеркивали вынужденность «приглашения» варяжских князей для улаживания внутренних разногласий и охраны от посягательств воинственных племен, своих соседей.

Еще одна из множества чрезвычайно похожих трактовок двух авторов – описание начальных событий русской истории как сосуществования новгородцев и приглашенной власти. Леклерк рассматривал первые годы правления Рюрика как стабильные: взаимоотношения власти и свободолюбивых новгородцев не были тягостными. Вождь варягов воспринял «основные принципы управления, которые были установлены народом, не навлекая на себя негодование и ненависть, не нагнетая общего волнения... До определенного момента славяне были умиротворены своим доверием к Рюрику»³³:

²⁹ *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 1. P. 97.

³⁰ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 1. P. 62, 129; Т. 2. P. 324–329.

³¹ *Levesque P.-Ch.* Op.cit. Т. 1. P. 46–47.

³² *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 1. P. 93.

³³ *Ibid.* P. 95. Французские авторы отмечали первостепенное радение новгородцев, чтобы приглашенные князья не превышали своих полномочий и даже селились за пределами новгородских стен. *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 1. P. 205, 249.

но раскрыв глаза, признали свое заблуждение... Он зашел далеко в своих притязаниях... Самоуправное правление этого князя вызывает восстание 865 года»³⁴. Левек же выдвинул свою версию происшедшего: «Можно предположить, – писал он, – что постоянное волнение жителей Новгорода и их обычная приверженность к смуте и анархии не позволили им насладиться добротой покоя под контролем призванных кураторов...»; возможно, что Рюрик, наделенный большой властью, захотел вскоре расширить ее пределы, заставив испытывать рабство тех, кто ожидал от него защиты своей свободы»³⁵.

С этого момента оба автора концентрируют свое внимание на исторических эпизодах борьбы Новгорода за свои политические права и свободы, отстаивание собственной модели политического устройства, начиная с «восстания Вадима Новгородского»³⁶ против самоуправств Рюрика и заканчивая попытками выйти из состава русских земель и перейти под покровительство Польши в 70-х гг. XV в. По словам Левека, атмосфера, царившая в Великом Новгороде, изначально «будила мятежный дух», сопровождаемая напряженными отношениями с великими князьями и выливаясь в крупные волнения 863, 1258³⁷, 1471 гг.³⁸ В большинстве случаев мятежи против центральной власти требовали кровавого подавления.

Тем не менее при сопоставлении трудов французских историков прослеживается явная тенденция. Если поначалу авторы восхищались бесстрашием участников народных восстаний, примерами единоличной храбрости (подобно выступлениям «доблестного и бесстрашного» Вадима Новгородского)³⁹, то в дальнейшем те методы, которыми новгородцы пытались сохранить свои свободы, уже не вызывали отклика⁴⁰.

³⁴ *Le Clerc N.-G. Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. T. 1. P. 97–98.*

³⁵ *Levesque P.-Ch. Op.cit. T. 1. P. 62–63.*

³⁶ Примечательное отличие от «Российской истории» Левека в том, что подобные легендарные сюжеты русской истории в труде Леклерка представлены как действительно происходившие, а мифические личности, такие, как Гостомысл и Вадим Новгородский, причисляются к реально существовавшим историческим фигурам.

³⁷ *Levesque P.-Ch. Op.cit. T. 2. P. 123–127; Le Clerc N.-G. Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. T. 2. P. 115, 126.*

³⁸ *Levesque P.-Ch. Op. cit. T. 2. P. 324–328.*

³⁹ *Levesque P.-Ch. Op. cit. T. 1. P. 63; Le Clerc N.-G. Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. T. 1. P. 98.*

⁴⁰ Левек не разделял амбициозных планов Борецких, подобных методов «сплетения интриг», заговора и тем более «заклучения позорной сделки» с королем

Показательным для характеристики общей концепции Левека стало его внимание к особой роли веча в Новгородской республике – как собрания, где, согласно его представлениям, господствовал простой люд и каждый гражданин имел право голоса⁴¹. Подобно Левеку, Леклерк привел сравнение политического уклада республиканского Новгорода с административным устройством «свободных немецких городов»⁴². Но именно в специфике многоподчиненности административных структур и путанице выполняемых ими функций автор увидел предпосылки к анархии в самой структуре Новгорода⁴³.

Левек заметил истоки опасного безначалия в претенциозных «республиканских устремлениях» новгородцев, но они, по мнению историка, в конечном итоге должны были отойти на второй план перед необходимостью объединиться в единое государство. Не случайно одной из ярчайших страниц труда Левека стало описание окончательной ликвидации Новгородской республики в 1478 г., включения ее земель в состав Русского государства⁴⁴. Именно П.-Ш. Левек подробно и всесторонне для своего времени (на основе оригинальных источников) смог нарисовать на страницах своего труда живописную картину русской истории и особую роль в ней Великого Новгорода⁴⁵.

Французский публицист Блен де Сенмор⁴⁶ стал еще одним ав-

Польши. См.: *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 323–324, 330; *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 2. P. 230–238.

⁴¹ *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 58–59, 323.

⁴² *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 2. P. 239; *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 334.

⁴³ *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 2. P. 240.

⁴⁴ *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 322–332.

⁴⁵ *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 1. P. 1–6, 44–54, 57–59, 60, 62–63, 67–68, 83–84, 89–90, 129, 204–205, 230–231, 233, 240, 246–249, 250; Т. 2. P. 118, 237, 318, 323–332; 330, 336–337, 364; Анализ новгородской истории на страницах сочинения П.-Ш. Левека можно найти в статьях: *Ильченко Э. В.* П.-Ш. Левек о средневековом Новгороде // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2009. Ч. 2. С. 48–58; *Ильченко Э. В.* Сии республиканцы не могли быть вольными // Чело. 2009. № 2 (44). С. 3–7.

⁴⁶ Адриен-Мишель-Гиацинт Блен де Сенмор (1733–1807) – литератор, публицист и драматург. Долгое время он был литературным корреспондентом великой княгини Марии Федоровны. Де Сенмор приобщал Павловский двор к французской культуре, отсылая своему адресату в России отчеты о выходивших в Париже книгах, культурных, светских и политических новостях. Среди деятелей французского Просвещения 2 пол. XVIII в. Блен де Сенмор стал одним из тех, кто в течение длительного времени с энтузиазмом выполнял функции проводника просветительских

тором, обратившимся в XVIII в. к российской истории, который затронул тему Великого Новгорода. В 1797 г. он издал свою иллюстрированную «Историю России» с 882 г. до конца царствования Павла I⁴⁷. Это публикация появилась на гребне новой волны интереса европейцев к России, когда книгоиздатели решили выпустить занимательное, популярное чтение по истории. Так появилось издание, украшенное гравюрами и снабженное развернутыми комментариями к ним. Интересно, что, составляя эти комментарии, Блен де Сенмор опирался на научное исследование П.-Ш. Левека⁴⁸. Издание получилось более содержательным, чем предполагалось. Автор стремился найти ответы на насущные вопросы своего времени в «Истории» Левека: Что такое власть? Откуда она берется? Как строятся взаимоотношения народов и правителей? Какова специфика, отличавшая Россию в этих вопросах? Таким образом, книга Блен де Сенмора приобрела черты политической публицистики⁴⁹.

В своей «Истории» Блен де Сенмор, следуя изложенному Левеком материалу и на его основе, пробовал высказывать собственные оценки исторических событий. Так, эпизод восстания 863 г. был воспринят Блен де Сенмором как стихийный кровопролитный мятеж против добровольно приглашенной власти, поднятый людьми, «не способными ни жить свободно, ни подчиниться властителю»⁵⁰. Автор не сомневался в справедливости карательных действий Рюрика по отношению к восставшим и стоявшему во главе них Вадиму. Последний, «полный мужества и отваги», был отнесен Блен де Сенмором к авантюрным натурам, «которым нечего терять, ищущим только волнений и смуты...». Затея Вадима, не увенчав-

идей хоть и в узкий круг лиц, имевших доступ к его текстам. См.: Литературная корреспонденция Блен де Сенмора в Россию / публ. Ю. В. Готье // Русская культура и Франция. Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30. С. 201–258; Лебедева Е. И. «История России» Блен де Сенмора // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.

⁴⁷ *Blin de Sainmore A.-M.* Histoire de Russie, représentée par figures, accompagnée d'un précis historique / Les figures graves par F.-A. David, d'après les dessins de Monnet, le discours par Blin de Sainmore: 2 vol. Paris, 1797–1799.

⁴⁸ Это оговаривалось автором в начале первого тома его произведения. Сразу охарактеризовав «Историю» Левека как «наиболее полную, поучительную и заслуживающую доверия, Блен де Сенмор определил «совершенно разные цели» написания двух сочинений: «...задача господина Левека просветить, а моя, заинтересовать...». См.: *Blin de Sainmore A.-M.* Op. cit. 1797. Т. 1. Р. 3. Благодаря краткости и легкому стилю изложения Блен де Сенмор смог представить занимательно серьезный научный исторический материал, собранный в многотомном труде П.-Ш. Левека.

⁴⁹ *Лебедева Е. И.* Указ. соч. С. 87.

⁵⁰ *Blin de Sainmore A.-M.* Op. cit. 1797. Т. 1. Р. 12.

шаяся успехом, не смогла обеспечить насущной свободы... новгородцы только понесли потери⁵¹.

Если Блен де Сенмор оправдывал действия Рюрика необходимостью «наведения порядка» в беспокойном городе, то П.-Ш. Левек в своем труде не делал однозначных выводов. Последний допускал возможность самовольного расширения «пределов вверенной ему (Рюрику. – Э. И.) власти...»⁵², не одобряя подобных устремлений.

Различие трактовок одних и тех же исторических событий двумя авторами вполне объяснимо. Писавший краткий вариант русской истории, одновременно старавшийся сделать ее максимально поучительной, де Сенмор сразу расставлял приоритеты. Он рассуждал в рамках просветительских канонов, подразумевающих взаимное исполнение обязанностей власти и народа. Приглашение славянами варяжских князей влекло, по мнению автора, принятие договорных отношений между властью и обществом: исполнение охранительных функций власти требовало общественного подчинения. Таким образом, рассуждая в рамках этой концепции, но в оторванности от русских первоисточников, де Сенмор сделал однозначные выводы, оставаясь вне понимания специфики новгородской истории.

На основе тех же просветительских позиций и хорошо знакомый с новгородской историей, Левек, благодаря отличной источниковой базе, понимал и в каких-то моментах разделял извечные устремления «вольнлюбивых новгородцев»⁵³.

Новгород изначально представлялся Блен де Сенмору, наравне с Киевом, одним из наиболее значимых городов России⁵⁴. Например, очень колоритно передано литератором своеобразие политического устройства города, где «народ единственный обладал правом судить граждан... ревностно охраняющих свои права»⁵⁵. Вся история Великого Новгорода на страницах его книги, аналогично предыдущим французским историкам, оказывается противостоянием единоличной власти великого князя и республиканских органов управления. С его точки зрения, каждая из сторон на определенном историческом этапе сосредоточивает властные полномочия в своих руках. Не многие из самовластных князей, таких, как, например, Александр Невский, Иван III, удостоиваются от авторов снисхожде-

⁵¹ *Blin de Sainmore A.-M.* Op. cit. 1797. Т. 1. P. 12..

⁵² *Levesque P.-Ch.* Op. cit. Т. 1. P. 62–63.

⁵³ *Ibid.* P. 249.

⁵⁴ *Blin de Sainmore A.-M.* Op. cit. 1797. Т. 1. P. 11. Ж. Лакомб назвал Великий Новгород «одним из главных городов России», ставшим после покорения его Ивану III «наиболее роскошной ценностью обладателя баснословных сокровищ». См.: *Lacombe J.* Histoire des révolutions de l'empire de Russie. Paris, 1760. P. 29.

⁵⁵ *Blin de Sainmore A.-M.* Op. cit. 1799. Т. 2. P. 3.

ния в попытках «превышения своей власти», посредством чего «устанавливают мир в Новгороде»⁵⁶.

Окончательное повержение республиканских вольностей и упадок города Блен де Сенмор связан с карательным походом, совершенным Иваном IV. «Эта древняя столица, прежде столь цветущая, единственное лишь имя которой до сих пор внушает русским религиозное уважение, ныне приобрела чуть ли не вид деревни. Кому она обязана подобным разрушением? Иностранному завоевателю? Нет, русскому, главному правителю этой страны»⁵⁷.

Последним из популярных французских авторов XVIII в., в сочинении которых немаловажная роль отводилась эпизодам истории Великого Новгорода, был П.-С. Марешаль.

Пьер-Сильвен Марешаль (1750–1803) – французский философ, поэт и прозаик, драматург и публицист, общественный деятель периода Французской революции 1789–1794 гг. Среди множества его произведений был острый политический памфлет «История России, сокращенная до изложения только важных фактов»⁵⁸. «История» Марешаля, как и книга Блен де Сенмора, была опубликована после событий 1789 г., на гребне волны нового интереса французов к далекой России.

С начала 1790-х гг. выходят в свет многочисленные карикатуры и памфлеты, которые выставляли напоказ изъяны монархического правления, демонстрируя последствия деспотизма, его вредоносное влияние на нравы народа, и изобличали пороки самовластных государей. Порожденная революционной эпохой политическая публицистика отличалась ненавистью к тиранам. На страницах революционной публицистики, к представителям которой относился и П.-С. Марешаль, получила распространение практика разоблачения «коронованных тиранов». К концу XVIII в. «русский мираж», рожденный французской просветительской литературой XVIII в., угас. Образ идеального просвещенного монарха в революционном общественном мнении приобрел негативный оттенок и обернулся своей противоположностью.

Несмотря на то, что во Введении к своей «Истории России» Марешаль заявлял о своей правдивости и беспристрастии, российская история с его подачи представлялась «идеальным» воплощением тиранического правления. Можно понять, почему выбор Марешаля пал на Россию. Ему было важно показать страну, где история

⁵⁶ *Blin de Sainmore A.-M.* Op. cit. 1799. Т. 2. Р. 11.

⁵⁷ *Ibid.* Р. 58.

⁵⁸ [*Maréchal P.-S.*] *Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants.* Londres; Paris, 1802. Изначально книга была издана анонимно. Вместо имени автора на первой странице стояло латинское изречение *multa paucis*, т. е. «многое в немногих словах».

«является суммой преступлений, более значительных, чем в истории других стран».

Маршалль в отличие от своих предшественников основывал свое повествование о России на неподтвержденных слухах и домыслах, лишь изредка подкрепляя их сведениями из источников, на основании чего позволял себе делать смелые выводы тенденциозного характера. Достаточно привести в пример грубые ошибки, допущенные автором в названиях, датах и понятиях, представить сфабрикованную им и заведомо ложную трактовку исторических сюжетов⁵⁹. Под легким пером автора «первым князем Руси» становится «персидский авантюрист» Обрин⁶⁰, окончательный переход Великого Новгорода под власть Москвы ошибочно датируется 1488 годом⁶¹, опричники именуются «стрельцами»⁶² и т. д.

При изложении событий русской истории Маршалль не жалел красок для обличения жестокости русских правителей, среди которых ни один не заслужил доброго слова автора: был ли это «честолюбивый Рюрик», эгоистичный Иван III, чья «потребность в деньгах заставила усвоить наиболее гнусные из страстей»⁶³, Иван IV, представленный «людоедом в облике человека», или Петр I, «гнусный в своих удовольствиях, хищный зверь... и лицемерный деспот»⁶⁴. Не щадил автор и русский народ, «скорее достойный жалости, чем презрения», народ, который всегда был «склонен... прощать злодеяния своих правителей» и за редким исключением не пытался улучшить свое положение. Маршалль пользовался любой возможностью показать, что только восстание может принести народу избавление от гнета деспотизма⁶⁵.

В этой связи ярким примером выступали исторические эпизоды прошлого Великого Новгорода. Поводом к событиям 1477 г., по мнению Маршалля, послужило недовольство жителей города, которые не могли более терпеть «тиранию наместника, выбранного им Иваном (Иваном III. – Э. И.) и составили заговор с целью его убийства». На самом деле в этом походе на Новгород Маршалль видел лишь спектакль. Публицист уверял читателей, что сам Иван III «тайно оплатил нескольких наемников, чтобы спровоцировать в

⁵⁹ Это не помешало популярности книги. Она имела успех у читателей, а спустя пять лет (1807) была вновь переиздана.

⁶⁰ [Maréchal P.-S.] Op. cit. P. 6.

⁶¹ Ibid. P. 64.

⁶² Ibid. P. 118.

⁶³ Ibid. P. 63.

⁶⁴ Ibid. P. 193.

⁶⁵ Достаточно вспомнить его «Отрывок из нравственной поэмы о Боге» (1781), где автор утверждал право народа на революцию и высказывал симпатии к республиканской форме правления.

Новгороде волнения... и вызвать ответные суровые меры...»⁶⁶. Заранее подготовленный план был нужен Ивану III для того, чтобы овладеть богатствами города и вместе с тем уничтожить серьезный очаг сопротивления путем расселения знатных новгородцев: «Множество повозок... доставили все эти богатства в Москву; за ними последовали две тысячи наиболее знатных граждан Новгорода, которых поселили далеко от их родной земли и оставили погибать отверженными в ссылке...»⁶⁷.

Отдельно рассмотрен автором страшный разгром Новгорода, организованный «коронованным тираном» Иваном IV, «великим князем России, переполнившим обычную меру преступлений, общих для всех государей»⁶⁸. Великий Новгород оказался единственным, кто «осмелился сопротивляться, но как дорого он заплатил за столь поспешный порыв!»⁶⁹ Остановить кровавое безумие, устроенное Иваном IV, как уверял автор, «помогла» эпидемия чумы: «тиран нехотя оставил театр всех этих ужасов, чтобы ускользнуть от бедствия»⁷⁰.

Маршалль не утруждал себя рассмотрением всей сложной канвы отношений Великого Новгорода с великокняжеской властью и особенностями его политического строя. В целом, во всех карательных походах на Новгород автор видел лишь внешнюю сторону: непокорный город и борьбу с ним властных монархов, которых обуревали либо корыстные побуждения (Иван III), либо бесконтрольный деспотизм (Иван IV).

Всех рассмотренных французских авторов объединял интерес к прошлому и настоящему России, в частности к истории «знаменитейшего и богатейшего из всех северных городов» Великого Новгорода. Притом одни и те же сюжеты прошлого на страницах французской литературы рубежа XVIII–XIX вв. получали различное толкование. Как можно понять из проанализированных выше материалов, всем рассмотренным французским авторам импонировало свободолюбие новгородцев. Однако если историки-просветители видели в нем определенное демократическое начало и зачатки гражданской ответственности, то представители революционной публицистики рассматривали республику как форпост сопротивления деспотическому правлению. И те, и другие воспринимали Великий Новгород как своеобразный феномен древнерусской и средневековой истории.

⁶⁶ [Maréchal P.-S.] Op. cit. P. 65.

⁶⁷ Ibid. P. 65.

⁶⁸ Ibid. P. 73.

⁶⁹ Ibid. P. 117.

⁷⁰ Ibid. P. 118.